

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А.И. Коробеев*, В.В. Сонин**

ПРЕСТУПНОСТЬ И УГОЛОВНОЕ ПРАВО В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (пятая сессия международного форума)

Аннотация. Статья посвящена анализу деятельности V сессии международного форума «Преступность и уголовное право в эпоху глобализации», проходившей 26–28 октября 2013 г. в г. Пекине и объединившей около 200 ученых и экспертов из 19 государств мира – Аргентины, Бразилии, Великобритании, Венгрии, Германии, Испании, Италии, Канады, Китая (включая Гонконг и Макао), Колумбии, России, Сербии, США, Таиланда, Тайваня, Филиппин, Японии, а также представителей ООН, Европола и Международной криминологической ассоциации. Форум проходил под девизом «Объединим людей во всем мире в создании новой эры глобальной антикоррупции». В принятой форумом резолюции отражены основные подходы к уголовной политике государств на современном этапе развития международного уголовного права национальных правовых систем в сфере борьбы с коррупцией. Резолюция содержит мнение ученых и экспертов ведущих стран мира по оптимизации уголовно-правовых и криминологических мер противодействия коррупции в эпоху глобализации.

Ключевые слова: Пекин, международный форум, коррупция, глобализация, криминологическая наука, уголовная политика в сфере борьбы с коррупцией, международно-правовое регулирование борьбы с коррупцией, уголовно-правовые средства, оптимизация мер противодействия коррупции, резолюция форума.

С 26 по 28 октября 2013 г. в Пекине состоялась 5-я сессия Международного форума «Преступность и уголовное право в эпоху глобализации», посвященная вопросам коррупции и борьбы с ней в глобализирующемся мире. 196 ученых и специалистов из 22 государств и регионов мира, а также представители ООН, Европола, Международной криминологической ассоциации и других международных организаций в ходе трехдневной работы обсудили проблемы понимания коррупции и ее наиболее опасных форм в условиях глобализации, представили доклады о состоянии коррупции и мерах противодействия ей на международном и на-

циональном уровнях, а также приняли консолidированную резолюцию.

На открытии форума с пленарным докладом на тему «Глобальная коррупция: опасность, причины и контрмеры» выступил его председатель, профессор **Хэ Бинсун**. Определив коррупцию как получение лицом или организацией личной выгоды посредством властно-денежного обмена, докладчик назвал наиболее опасные ее проявления, в том числе в высших эшелонах власти, неограниченное распространение рынка и рыночных ценностей в эпоху триумфа экономического либерализма, а также феномен «политики черных денег». Последний термин предложен про-

© Коробеев Александр Иванович, Сонин Вадим Вадимович

* Вице-президент Международного форума «Преступность и уголовное право в эпоху глобализации», заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации [akorobeev@rambler.ru]

690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ, Корпус D, Юридическая школа.

** Докторант Китайского политико-юридического университета Цинхуа, [vsonin@yahoo.com.] 100084, КНР, Пекин, район Хайдянь.

фессором Хэ для обозначения особо опасной формы коррупции, возникающей в результате финансового проникновения организованной преступности в систему государственной власти и последующего сращивания преступности и государства.

По мнению докладчика, нынешний небывалый размах коррупции связан со специфической исторической эпохой глобализации. Одна из причин коррупции лежит в политической плоскости – в разного рода недостатках существующих демократических институтов. Уровень развития демократических институтов обратно пропорционален уровню коррупции в обществе: чем более демократическим становится общество, тем меньше в нем места для коррупционных явлений. В качестве экономической причины коррупции было названо беспрецедентное повышение роли рынка и рыночной экономики в обществе, распространение рыночных ценностей и принципов на несвойственные для них сферы общественной жизни, в том числе на области политики и общественной нравственности. Такая экспансия приводит к разрушению общественной системы ценностей и нравственной парадигмы, духовных основ личности. В связи с этим основными мерами противодействия коррупции должны стать политическая и экономическая реформы. Первая призвана расширить и укрепить институты демократии на всех уровнях общественной и государственной жизни в соответствии с конкретными условиями и уровнем политического развития различных государств. Вторая, экономическая, реформа должна устранить условия, способствующие экспансии рынка и рыночных отношений на традиционно нерыночные сферы общественной жизни.

Основной доклад от российской делегации был сделан доцентом **В.И. Михайловым** (государственно-правовое управление Администрации Президента РФ). В выступлении были затронуты главные направления в сфере противодействия коррупции; подчеркнуто, что коррупция приобрела черты системной угрозы не только отдельным странам, но миру и безопасности человечества в целом; выделены составные элементы государственной антикоррупционной политики; проанализированы этапы ее развития; подробнейшим образом раскрыт закрепленный в законодательстве РФ и применяемый на практике механизм противодействия коррупции, включающий в себя три компонента: а) предупреждение (профилактику) коррупции; б) уголовное преследование лиц, совершивших коррупционные преступле-

ния (борьбу); в) минимизацию и (или) ликвидацию последствий коррупционных деяний.

В Российской Федерации реализован третий по счету Национальный план противодействия коррупции на 2012–2013 гг. Результатами исполнения двух предыдущих национальных планов противодействия коррупции являются создание развернутой нормативной правовой базы противодействия коррупции, налаживание работы подразделений кадровых служб федеральных государственных органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений и в целом последовательное наращивание усилий государства по противодействию коррупции. Вместе с тем не была решена одна из важнейших задач государственной антикоррупционной политики – сформирование в обществе жесткого неприятия коррупции. Многие из принимаемых государственными и муниципальными органами мер носили формальный характер, проводились «для галочки» в отношении работников низового звена и не затрагивали лиц, реально причастных к коррупции.

Коррупция по-прежнему серьезно затрудняет нормальное функционирование всех существующих механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и модернизации национальной экономики, вызывает в российском обществе серьезную тревогу. В связи с этим Национальным планом противодействия коррупции на 2012–2013 гг. был закреплен ряд мер, направленных прежде всего на повышение результативности механизма по недопущению конфликта интересов, усиление роли подразделений кадровых служб федеральных государственных органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений.

С недавних пор противодействие коррупции стало охватывать и негосударственные службы, где также имеются типичные для публичной сферы коррупционные и тесно связанные с ними деяния: подкуп, инсайдерская торговля, фальшивый бухучет и система «откатов», преступления «по должности» и злоупотребления служебным положением. Угрозы, питаемые системой этих преступлений, получают оценку как глобально-экономических. Эти тенденции повлияли на изменение вектора противодействия коррупции в мире, более явными из которых стали:

а) смещение акцентов в противодействии коррупционным проявлениям в глобальном мире с государственной сферы на частную;

б) сочетание и взаимодополняемость мер предупреждения коррупции, принимаемых в

рамках международного публичного права и международного частного права¹.

Доклад профессора **А.В. Федорова** (заместитель председателя Следственного комитета РФ) был посвящен антикоррупционным стандартам ОЭСР и их реализации в российском уголовном законодательстве. В выступлении отмечалось, что последним из многосторонних международных антикоррупционных договоров, к которым присоединилась Россия, стала Конвенция Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 г. Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 17 апреля 2012 г., с этого момента согласно ст. 15 Конституции РФ стала составляющей ее правовой системы. Поскольку Конвенция ОЭСР против подкупа не является документом прямого действия, в докладе проанализированы пути и способы закрепления соответствующих антикоррупционных стандартов ОЭСР в российском уголовном законодательстве.

Докладчик, в частности, обратил внимание на то, что согласно Конвенции ОЭСР против подкупа каждая сторона – ее участник принимает все необходимые меры к тому, чтобы сумма подкупа и доходы от подкупа иностранного должностного лица, а также имущество, стоимость которого соответствует указанным доходам, подлежали изъятию или конфискации либо наложению штрафов, обеспечивающих соразмерный эффект. Во исполнение этого положения Конвенции Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» в УК РФ внесены изменения, устанавливающие кратные размеры штрафа до стократной суммы взятки, но не более 500 млн руб.

В результате не только вырос размер штрафов, налагаемых на взяточников, но и значительно увеличилась частота применения к ним этой меры наказания без существенного снижения применения в виде наказания

лишения свободы. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, если в 2010 г. штраф назначался 39% осужденных за дачу взятки по ст. 291 УК, то в 2011 г. этот вид наказания применялся уже в 55% случаев, а в 2012 г. – к 86% осужденных за дачу взятки. Аналогичная ситуация сложилась с применением штрафа как наказания по ст. 290 УК РФ за получение взятки: в 2010 г. – 12,5%; в 2011 г. – 33,8%; в 2012 г. – 73,3 %. Таким образом, если раньше к лишению свободы или штрафу осуждалась меньшая часть взяточников, а к остальным применялись иные меры, в основном условное осуждение, то теперь штраф стал основной мерой ответственности. При этом имеет место еще и конфискация предмета взятки.

С учетом изложенного докладчик констатировал наличие потенциала для эффективного соблюдения Российской Федерацией положений Конвенции ОЭСР, предусматривающих применение финансовых санкций, обеспечивающих соразмерный эффект и оказывающих сдерживающее воздействие на потенциальных взяточников. В то же время российские реалии таковы, что потенциал есть, а отдача от него не всегда наступает. Свидетельством тому является недавно сделанный доклад Генерального прокурора РФ Президенту РФ, из которого следует, что наказания в виде штрафов, применяемые к физическим лицам, практически не реализуются. По исполнительным листам на 1 апреля 2013 г. в ФССП России находилось 1045 исполнительных листов по штрафам на 19 млрд руб., а взыскано всего 19 млн руб. по 121 листу. Таким образом, реализация меры наказания в виде штрафа в суммарном исчислении исполняется лишь на 1%².

В выступлении профессора **А.П. Кузнецова** (зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин Нижегородского института менеджмента и бизнеса) были затронуты теоретико-прикладные аспекты исследования проблем противодействия коррупции. Анализу подверглись понятие, социальная сущность, характерные признаки, формы противодействия коррупции в российском законодательстве и международных правовых актах.

По мнению докладчика, противодействие коррупции становится реальным, а не вир-

¹ Подробнее об этом см.: Михайлов В.И. Противодействие коррупции в Российской Федерации: основные направления государственной политики и уголовной ответственности // The fifth session of the international forum on crime and criminal law in the global era. Beijing, China. 2013. P. 317–350.

² Федоров А.В. Антикоррупционные стандарты ОЭСР и их реализация в российском уголовном законодательстве // The fifth session of the international forum on crime and criminal law in the global era. Beijing, China. 2013. P. 351–369.

туальным тогда, когда такая деятельность: 1) опирается на глубокую научно обоснованную политику в этой основательно запущенной сфере общественных отношений, проведение которой сопровождается постоянным надзором и координацией со стороны всех ветвей и уровней власти; 2) основывается не только на тех принципах, что указаны в ст. 3 Закона (законность, публичность и открытость деятельности), но и на таких, как справедливость, ответственность, честность и неподкупность, правильное, добросовестное и надлежащее выполнение своих функций; 3) осуществляется при активной поддержке и непосредственном участии населения, основной массы россиян, с помощью которых только и возможно создание атмосферы нетерпимости в отношении коррупции; 4) поддерживается на международном уровне с помощью закрепления мер противодействия коррупции в международных правовых актах³.

Испанский профессор **Фернандо Наварро Кардозо** из Университета Лас-Пальмас-де-Гран-Канария предложил общим образом определить коррупцию как «злоупотребление публичной властью в частных целях». Различая публичную и частную коррупцию, профессор Кардозо отмечает их общую структуру: должностную обязанность, соответствующую систему нормативного регулирования и внеслужебную выгоду.

Коррупция в основе своей представляет этическую проблему и существует во всех, даже самых совершенных социальных системах, если только там есть коррумпированные граждане. Ключевое значение в противодействии ей должно придаваться образованию и воспитанию у граждан соответствующих ценностей, поскольку «нельзя победить коррупцию одной лишь борьбой с ней». Важной составляющей противодействия являются превентивные меры, в том числе открытость деятельности правительства, общественный контроль за принятием решений, рационализация публичного управления и т.д. Открытость правительства обеспечивается как упрощением, стандартизацией, автоматизацией административных и судебных процедур, так и санкционированием различных форм общественного контроля. Повышение уровня открытости государственных органов возможно

через развитие различных форм «демократии участия», в особенности на местном уровне. При этом уголовное право составляет *ultima ratio* в отношении коррупции, его применение означает провал всех остальных средств противодействия. Если противодействие коррупции осуществляется надлежащим образом, применение уголовно-правовых средств не требуется. В то же время превентивный контроль и средства борьбы с преступностью не могут быть заменены одними лишь воспитательными мерами.

Эндрю Брэйдли Спэлдинг из Университета Ричмонда (США) посвятил свою статью проблеме экспорта коррупции. Спэлдинг классифицирует коррупцию на внутреннюю, импортированную (подкуп иностранными компаниями должностных лиц данного государства) и экспортированную (подкуп компаниями, зарегистрированными в данном государстве, иностранных должностных лиц). Экспорт коррупции впервые привлек внимание американского законодателя в 1977 г., когда на волне критики практикуемого американскими корпорациями за рубежом взяточничества был принят Закон о коррупционных действиях за границей (Foreign Corrupt Practices Act, FCPA). По мере роста инвестиционной активности развитых стран в 1997 г. Организацией экономического сотрудничества и развития была разработана Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок. Активизация инвестиционной деятельности развивающихся государств, в том числе стран БРИК, ставит проблему дальнейшего развития международных механизмов противодействия экспорту коррупции. Хотя в настоящее время ни одна из стран БРИК не стала членом ОЭСР, все они, за исключением Индии, предприняли определенные шаги в этом направлении, в том числе в части присоединения к Конвенции против взяточничества. В частности, в КНР приняты поправки в Уголовный кодекс, запрещающие взяточничество в отношении иностранных должностных лиц в предпринимательских целях. Однако данные нормы содержат значительные расхождения со стандартами ОЭСР, причем КНР, в отличие от России и Бразилии, отнюдь не стремится приводить национальное законодательство в соответствие с нормами ОЭСР, демонстрируя намерение идти собственным путем. Кроме того, американский исследователь отмечает, что в отличие от жесткой политики по отношению к внутренней коррупции и взяточничеству иностранных компаний в отношении китай-

³ Подробнее об этом см.: Кузнецов А.П. Противодействие коррупции: теоретико-прикладное исследование // The fifth secession of the international forum on crime and criminal law in the global era. Beijing, China. 2013. P. 268–316.

ских должностных лиц на экспорт коррупции китайскими компаниями правоохранительные органы КНР практически не реагируют. Автор обратил внимание на противоположные тенденции развития соответствующей политики в США и КНР: если в США, некогда бывших оплотом либерализма и свободного рынка, власти в настоящее время решительно требуют от корпораций разделить общественные усилия по противодействию коррупции, то китайское правительство поощряет свободную от ценностных ограничений погоню китайских компаний за прибылью в развивающихся странах. Таким образом, КНР может остаться единственным крупным экспортером капитала, не являющимся членом конвенции ОЭСР и не стремящимся присоединиться к ней. В этом смысле остается лишь ожидать от властей КНР практических правоприменительных шагов к снижению экспорта коррупции.

Немецкий взгляд на расследование коррупционных преступлений в правовом государстве представил профессор **Бернд Хейнрих** из Университета Гумбольдта (Берлин). Различая коррупцию в публичном и частном секторах, автор указывает на большую опасность первой разновидности, обусловленную абсолютной зависимостью граждан от административной монополии государства, которая отсутствует в частном секторе. Хейнрих подразделяет коррупцию на открытую и скрытую, относя к первой коррупционные действия, совершаемые открыто и повсеместно, ввиду отсутствия работающей системы государственного контроля, тогда как скрытая коррупция осуществляется в тайне от публики, коллег и начальства. Открытая коррупция особенно опасна с точки зрения принципа правового государства, поскольку подрывает доверие граждан к государству и закону, разделяет сферу государственного управления на коррупционную реальность и правовую квазиреальность. Скрытая коррупция не разрушает правосознание, оставляя ощущение локальности и единичности коррупционных явлений, составляющих исключение из общего порядка функционирования правового государства. Наконец, коррупция подразделяется автором на ситуативную (при которой коррупционные действия носят незапланированный характер и не входят в привычку участников общественных отношений) и структурную (составляющую регулярную практику, включающую множество лиц в некоей форме организации).

Характеризуя уголовно-правовое регулирование ответственности за коррупционные

деяния в ФРГ, профессор Хейнрих выделяет четыре состава преступления, сформулированных на основе критериев активности действий субъекта и законности действий должностного лица: получение и дача взятки за совершение должностным лицом законного либо незаконного действия. Согласно статистике, в 2011 г. в Германии зафиксировано 1100 дел о коррупционных преступлениях (в сравнении с 2,4 млн краж, зарегистрированных в том же году), по которым лишь 215 преступников получили наказание. При этом за 20 лет число коррупционных преступлений снизилось в 3 раза. Эти данные говорят о маргинальном характере данного вида преступлений в общей структуре преступности. При этом остаются проблемы уголовно-правового регулирования, в том числе неопределенность минимального размера взятки, необходимого для квалификации, в результате чего определение грани между обычным подарком и преступлением отдается на усмотрение суда. Кроме того, несмотря на громкие скандалы последних лет, в уголовном законодательстве по-прежнему не урегулирована ответственность депутатов парламента за получение взяток (в частности, за обеспечение принятия или отклонения определенного законопроекта), при том что установлена уголовная ответственность иностранных парламентариев и даже членов Европарламента (многие из которых также являются членами германского парламента) за получение взятки. Автор подозревает здесь определенный саботаж со стороны законодателя, оправдываемый особой природой представительного органа, члены которого представляют различные идеи, существующие в обществе и выражаемые различными политическими партиями, влияющими на политический процесс разнообразными способами, в том числе посредством лоббирования. Наконец, отмечая недостаточность даже самого совершенного уголовного законодательства для действенной борьбы с коррупцией, профессор Хейнрих приводит целый ряд мер по предупреждению коррупционных преступлений, в том числе достаточное материальное обеспечение государственных должностных лиц, подкрепленное угрозой потери работы в случае нарушения закона; принятие государственными органами различных уровней и отраслевой принадлежности внутренних положений о противодействии коррупции, учитывающих специфику конкретной области; регулярный мониторинг наиболее подверженных коррупции отраслей государственного управления; реализация принципа

«четырёх глаз» – отход от практики единоличного принятия решений в пользу увеличения числа независимых субъектов, принимающих единое управленческое решение; регулярная ротация кадров на коррупционно опасных должностях; введение «телефонов доверия» и штатных должностных лиц (в том числе омбудсменов), непосредственно принимающих и проверяющих сообщения о фактах коррупции; введение «коррупционного реестра» компаний, сотрудники которых были уличены в коррупционных преступлениях при заключении государственных контрактов, с целью недопущения таких компаний к участию в размещении государственных контрактов и заказов.

Другой подход к уголовно-правовому регулированию коррупционных преступлений, принятый в США, осветил профессор **Сэмюэл Бьюэлл** из Университета Дьюка. В США уголовно-правовое противодействие коррупции осуществляется через институты взяточничества, вознаграждения («*gratuity*») и раскрытия информации («*disclosure*»). Состав взяточничества, сформулированный по принципу *quid pro quo*, требует предварительно достигнутого соглашения или понимания, что одно лицо даёт другому что-либо в обмен на определенное властное действие. Непременным условием квалификации взяточничества является наличие у субъекта упречного, преступного мотива, руководящего его поведением. В отличие от взяточничества, при котором дача взятки должна предшествовать совершению требуемого властного действия, состав незаконного вознаграждения может быть квалифицирован и без строгого соблюдения принципа *quid pro quo*, в том числе в случае предоставления вознаграждения за ранее совершенные властные действия, либо в надежде на возможность совершения такого действия в будущем. Однако в обоих случаях требуется доказывание понимания взяткодателем и взяткополучателем связи между взяткой и конкретным определенным властным действием. Кроме того, антикоррупционную направленность имеют уголовно-правовые санкции за нарушение различных правил раскрытия сведений о доходах и иной личной информации в процессе избрания или назначения на государственную должность.

До недавнего времени чрезмерная сложность доказывания по данным категориям дел компенсировалась применением к отношениям публичной службы аналогии с пассивным мошенничеством. При этом государственный служащий, втайне от граждан получивший материальную выгоду в обмен на соверше-

ние действий, противоречащих интересам населения, уподоблялся недобросовестному подрядчику, скрывающему от заказчика (в данном случае – от граждан) факт невыполнения услуги по договору (в данном случае – отправлении власти в интересах населения). При этом доказывание причинной связи между предоставлением материальной выгоды и властным действием не требовалось. Однако в 2010 г. Верховный суд США положил конец такой практике, сославшись на то, что в этом случае круг нарушений обязанностей государственного служащего, способных повлечь уголовную ответственность, является критически неопределённым.

Основной тезис американского докладчика состоит в том, что одними лишь правовыми (в частности уголовно-правовыми) средствами коррупцию не только невозможно победить, но даже полностью запретить. Во-первых, по мнению автора, коррупции невозможно дать точного юридического определения: ни одна правовая теория не может объяснить, почему вручение чиновнику темной ночью чемодана денег из багажника является коррупцией, тогда как система финансирования избирательных кампаний в США с коррупцией не имеет ничего общего. Коррупция остается скалярной величиной, ее признаки носят не качественный, а количественный характер, поэтому уголовное право может воздействовать лишь на крайние и наиболее серьезные ее формы. Во-вторых, коррупция не может быть полностью запрещена средствами права, поскольку последнее требует точности формулировок, недостижимой в данном случае. Требование определенности права не позволяет сформулировать настолько же широкие и размытые правовые нормы, насколько широка и размыта коррупция как социальное явление.

Поскольку полный уголовно-правовой запрет коррупции невозможен, ученым и специалистам следует сосредоточиться на возможных путях опосредованного контроля коррупции уголовно-правовыми средствами. Как следует из опыта противодействия коррупции в частном секторе в США (в частности применения FCPA), наиболее эффективным средством непрямого контроля коррупции является установление уголовной ответственности субъектов, обязанных контролировать коррупционные проявления и не исполняющих либо ненадлежащим образом исполняющих эту обязанность. Так, угроза проведения антикоррупционного расследования в рамках FCPA, связанных с этим финансовых и репутационных потерь, заставляет американские

корпорации тщательно отслеживать попытки взяточничества со стороны своих работников, а в случае выявления таких фактов – активно содействовать правоохранительным органам в расследовании. Профессор Бьюэлл полагает, что и в публичной сфере могут быть найдены социальные институты и организации, которые уголовно-правовыми средствами можно «побудить» к активной антикоррупционной работе.

Бразильский профессор **Эдуардо Питрез де Агиар Корреа** из Университета Рио-Гранде остановился на специфике коррупции и борьбы с ней в Бразилии. В его представлении существенными предпосылками для распространения коррупции в Бразилии, как и в ряде других развивающихся стран, является чрезвычайно высокий процент бедного населения, низкий уровень социально-экономического развития и неразвитость системы образования. Классическое взяточничество нашло свое отражение в Бразилии в составах «активной коррупции» (дачи взятки) – предложения или обещания выгоды должностному лицу с целью получения преимуществ, связанных с его должностным положением, а также «пассивной коррупции» (получения взятки) – получения или просьбы о предоставлении выгоды для выполнения определенного действия (поручения), связанного с должностным положением взяткополучателя.

В условиях слабости внутригосударственного антикоррупционного потенциала развитие национального антикоррупционного законодательства осуществляется в рамках членства в соответствующих международных конвенциях: Конвенции ООН против коррупции 2003 г., Межамериканской конвенции против коррупции 1996 г. и Конвенции ОЭСР 1997 г. В процессе присоединения к этим конвенциям был криминализован ряд налоговых деяний (в соответствии с § 7 ст. 3 Межамериканской конвенции, «налоговое благоприятствование лицу или компании в обмен на выплаты в нарушение антикоррупционного законодательства»), фальсификация официальных документов, фальсификация или подлог частных документов, использование подложных документов, активная и пассивная коррупция (§ 10 ст. 3 Межамериканской конвенции), коррупционные действия в отношении иностранных должностных лиц (дача взятки в международных коммерческих сделках и др.). В то же время, несмотря на рекомендации ст. IX Межамериканской конвенции и ст. 20 Конвенции ООН, Бразилия до сих пор не криминализовала неосновательное обогащение, полагая,

что установление уголовной ответственности за несоответствие имущественных сделок лица его официальным доходам несовместимо с принципом презумпции невиновности.

Говоря о дальнейшем развитии средств антикоррупционной борьбы, профессор Корреа обратил внимание на отсутствие прямой связи между усилением уголовно-правового воздействия и снижением уровня коррупции: наименее коррумпированные страны обычно также демонстрируют наиболее гуманное уголовное законодательство. В этой связи он предлагает высвободить антикоррупционный потенциал общества, в частности, путем декриминализации традиционного для стран Латинской Америки состава «неуважения» (критики) государственных органов и должностных лиц (исп. *desacato*). Легализация такого рода критики позволит значительно укрепить потенциал общественного контроля за администрацией, технические возможности для которого значительно возросли в последнее время.

Сербский профессор **Срето Ного** из Университета Мегатренд (Белград) подчеркнул особую опасность коррупции для прав и свобод человека. Ее общее воздействие проявляется в перманентном обескровливании материальных ресурсов государства, формировании в обществе представления о возможности быстрого обогащения с нарушением закона, в конечном счете – в неспособности публичных служб обеспечить оказание населению качественных услуг. Специальное воздействие коррупции проявляется в дисфункции определенных частей государственного механизма, результатом чего становится невозможность реализации гражданами некоторых своих прав и свобод, а также нецелевое использование общественных ресурсов для удовлетворения частных нужд. В целом, по мнению докладчика, степень коррумпированности отдельно взятого государства прямо зависит от уровня демократизации и гражданского контроля над администрацией.

Заведующий сектором уголовного права Института правоведения Академии общественных наук КНР профессор **Лю Женьвэнь** посвятил доклад перспективам совершенствования антикоррупционного законодательства и институтов КНР с учетом положений Конвенции ООН против коррупции 2003 г. Поскольку ни Конституция КНР, ни УК КНР не определяют соотношение международного и национального права, положения Конвенции ООН могут быть реализованы в Китае лишь путем имплементации в национальное законодательство. Несмотря на то, что Конвенция вступила

в силу для КНР еще в 2006 г., до сих пор китайские власти самостоятельно выстраивали антикоррупционную политику, практически не учитывая положения Конвенции. По этой причине китайское законодательство значительно расходится с целым рядом положений Конвенции, которая по этой причине может быть, наконец, задействована для решения актуальных законодательских проблем.

Так, Конвенция дает функциональное определение публичного должностного лица как выполняющего некоторую публичную функцию или предоставляющего публичную услугу. В то же время ст. 93 УК КНР относит к числу государственных служащих, помимо собственно служащих государственных органов, исполняющих обязанности государственной службы, также работников государственных компаний, предприятий, учреждений и коллективов, осуществляющих обязанности публичной службы, и т.д. Столь широкое понимание субъекта коррупционных преступлений в условиях рыночной экономики представляется неоправданным, в связи с чем предлагается ввести в УК КНР ограничительное функциональное определение в соответствии с Конвенцией ООН.

Другим актуальным вопросом является установление предмета коррупционных преступлений. Примененный в ст. 385, 389 УК КНР термин «имущество» получил официальное расширительное толкование и включает не только вещи, но и иные имущественные права и интересы, имеющие денежное выражение. Однако и такое широкое понимание не позволяет учесть при квалификации новые виды взяточничества в форме оказания различных услуг, в том числе интимного характера. Поэтому профессор Лю Женьвэнь предлагает заимствовать и включить в УК КНР понятие «неправомерное преимущество», которое при надлежащем истолковании поможет охватить уголовно-правовым вниманием новые формы коррупционной деятельности.

В свете международного сотрудничества по противодействию коррупции неожиданное звучание приобрела проблема сохранения в КНР смертной казни за коррупционные преступления. Участвовавшие случаи бегства лиц, подозреваемых в совершении коррупционных преступлений, за границу ставят задачу их дальнейшей экстрадиции, которая становится практически невозможной ввиду наличия в законодательстве многих государств положения о запрете выдачи лица, которому угрожает смертная казнь. Экстрадиция в таких случаях возможна лишь после длительных и сложных

переговоров, что никак нельзя признать эффективным вариантом международного сотрудничества. В этой ситуации отмена смертной казни за коррупционные преступления, как ни парадоксально, позволит повысить неотвратимость наказания.

Наконец, противодействие коррупции в КНР сохраняет значительную организационную и процессуальную специфику, зачастую не соответствующую принципу правового государства. В настоящее время борьбой с коррупцией занимаются Управление прокуратуры по борьбе с коррупцией, Министерство контроля, Центральная комиссия по проверке дисциплины КПК и созданная в 2007 г. Государственная служба по предупреждению коррупции. При этом Министерство контроля и партийная дисциплинарная комиссия в своей деятельности используют непроцессуальные формы расследования, известные как «двойное указание» (*шуанчжи, шуангуй*), состоящие в выдаче члену партии или государственному служащему обязательного указания прибыть в определенное время в указанное место для допроса и производства расследования. Фактически лицо подвергается непроцессуальному ограничению свободы и расследованию без участия прокуратуры и суда, что не соответствует конституционным положениям о правах личности. Более того, по результатам такого расследования лицо может быть уволено с государственной службы или исключено из партии опять же без какого-либо судебного разбирательства. Докладчик предлагает отказаться от подобной практики и реорганизовать органы по борьбе с коррупцией, сосредоточив функции расследования в соответствующих подразделениях прокуратуры. Для комплексной реализации этих и других правовых мер противодействия коррупции профессор Лю Женьвэнь также рекомендует в соответствии с положениями Конвенции ООН принять специальный закон КНР «О противодействии коррупции».

По завершении работы сессия Форума приняла Резолюцию (ниже приводится ее полный текст).

**Антикоррупционная резолюция
Пятого международного форума
«Преступность и уголовное право
в эпоху глобализации»**

Мы, 196 представителей 19 стран и регионов, таких как Россия, Франция, Германия, Филиппины, Таиланд, Канада, Соединенные Штаты Америки, Сербия, Италия, Испания, Венгрия,

Колумбия, Аргентина, Бразилия, Китай (включая Гонконг и Макао), Тайвань, Япония, а также представители некоторых международных организаций, таких как ООН, Европол и Международная криминологическая ассоциация, приняли участие в Пятой Сессии Международного форума по преступности и уголовному праву в глобальную эпоху (IFCCLGE), собравшись под одним девизом «Объединим людей во всем мире в создании новой эры глобальной антикоррупции!». После трех дней глубоких исследовательских дискуссий мы согласились в следующем.

Продолжающееся всемирное развитие вызывает глобализацию и универсализацию коррупции. Масштабы глобальной коррупции стали критической угрозой людям и нашему обществу.

Серьезность глобальной коррупции отчетливо проявляется в трех аспектах:

первый – коррупция на высшем уровне, являющаяся коррупцией правителей и правящей элиты;

второй – коррупция ввиду безграничной экспансии экономической власти: рынок и рыночные ценности все больше и больше вторгаются в сферы жизни, которые не должны контролироваться рынком;

третий – формирование политики грязных денег, состоящей из банд и гангстеров, власти денег и политической власти и таким образом усугубляющейся коррупции.

В результате глобальная коррупция разрушает рыночные экономики, препятствует общественному развитию и способствует повышению уровня бедности; она усиливает процессы не-демократии, углубляет социальную несправедливость, вызывает кризис законности и, в конечном счете, приводит к абсолютному краху законности. В то же время, если государства утратят свою легитимность, общество окажется в смертельной опасности скатиться в анархию, серьезный социальный распад, повсеместное насилие и войны; права человека не будут защищены, человеческая жизнь обесценится.

Коррупция является продуктом определенных исторических обстоятельств. В примитивных обществах мы обнаруживаем ограниченные формы частной собственности, публичная власть не доминирует над населением и, следовательно, коррупции практически не существует. Достаточно часто коррупция идет рука об руку с разветвлением публичной власти и частной собственности. Частная собственность приводит к жажде богатства, в то время как публичная власть над людьми приводит к злоупотреблению властью, а ком-

бинация этих двух уровней является определяющей для большинства коррупционных деяний. Тем не менее человеческое общество продолжает свое развитие; политические и экономические системы непрерывно изменяются и, следовательно, причины коррупции также постоянно изменяются.

В настоящее время коррупция – продукт наших политической и экономической систем в эру глобализации.

В политической системе разные проблемы возникают из разных дефектов демократии, приводящих к отличительным формам широкомасштабной коррупции. Демократия имеет два значения: первое из них означает «власть людей»; это определение отсылает к основам суверенитета. Только государство, основывающее власть на воле своих граждан, может называться демократией. Согласно данному определению, ни одно из государств не может называться подлинной демократией в силу того, что в современных исторических условиях ни одно государство не претворяет названный принцип в жизнь во всей его полноте. Другое значение демократии – так называемая демократическая модель. В рамках этой идеи демократия имеет несколько моделей, каждая из которых по-прежнему развивается и имеет риск стать обратимым процессом. В этой связи демократическое развитие большинства современных наций происходило не по прямой линии, а было процессом извилистым с характерным сосуществованием демократии и не-демократии и их взаимным влиянием друг на друга. В таком напряженном развитии мы обнаруживаем высокоразвитые демократии, изменяющие качество общества, следующие к более высоким стадиям демократии и, хочется надеяться, следующие к идеалу «власти народа». В определенной степени не-демократии также переживают качественные изменения, следуя к диктаторству и авторитаризму и, таким образом, упраздняющим формальные и материальные институты демократии. Сегодня мы можем назвать множество стран, подвергшихся таким качественным изменениям.

В том, что касается зависимости между демократией и коррупцией, мы можем сформулировать золотое правило: демократизация обратно пропорциональна коррупции, в то время как не-демократия прямо пропорциональна коррупции. Демократия благоприятствует стране, в то время как коррупция разрушает страну.

С экономической точки зрения, рыночная экономика является одной из основных

форм современной экономики. Рынок и рыночноориентированные подходы внедряются в сферы, управляемые традиционными нерыночными нормами. Фундаментальные изменения экономической системы могут вести к коррупции, как указано ниже:

а) внедрение концептов рынка и рыночного управления в сферу политическую превращает политику в еще одну форму рынка и таким образом делает политику подчиненной рыночным правилам. Если экономические силы внедряются в политические до тех пределов, когда первые доминируют над вторыми, это вынудит политику чрезмерно соответствовать формам экономической рациональности. Все в политической сфере может стать предметом потребления и, следовательно, быть потребленным за деньги;

в) внедрение концептов рынка и рыночного управления в сферу морали и этики, так же как и в другие сферы, уничтожает моральные ценности и значимость человека; оно искажает гуманность, разъедает душу, разрушает моральные качества и таким образом загрязняет социальную атмосферу в целом. В результате таких процессов коррупция стала общемировым явлением.

Внедрение рынка в нерыночные сферы также является развивающимся и обратимым процессом.

Существует правило, определяющее отношения между рынком и коррупцией.

Коррупция прямо пропорциональна степени внедрения концептов рынка и рыночного управления в нерыночные сферы, в то время как обратная пропорция наблюдается при успешном противодействии такому внедрению. Если рынок занимает все сферы в обществе, рыночная экономика становится рыночным обществом и таким образом целиком подвергается коррупции.

Обе из указанных представлений о коррупции могут быть использованы в поиске прочного теоретического подхода к предотвращению и контролю над глобальной коррупцией.

Со стратегической точки зрения, реформа представляет собой самый простой подход к предотвращению и контролю над глобальной коррупцией. Реформа в этой связи – реформа двунаправленная: на политику и на экономику. Политическая реформа фокусируется на «поддержании демократии и сопротивлении не-демократии», постоянном продвижении процесса демократизации. В некоторых хорошо развитых демократических странах политическая реформа может продвигать «прин-

цип народного суверенитета» и поступательно расширять пределы народовластия.

Экономическая реформа фокусируется на обратимости внедрения там, где «концепты рынка и рыночного управления поражают сферы жизни, которые традиционно управлялись нерыночными нормами».

В новом столетии глобальная коррупция стала более серьезной и более распространенной. Различные формы мультинациональной коррупции проявляются в ее возрастающем уровне, равно как и во все возрастающей плотности коррупционных сетей, что, в свою очередь, создает серьезную необходимость в международном сотрудничестве в сфере глобальной антикоррупции. «Ни одно государство, каким бы сильным оно ни было, не может лишь своими усилиями оградить себя от современных угроз. Каждому государству для обеспечения своей безопасности необходимо, чтобы другие государства сотрудничали с ним». При таких обстоятельствах Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, принятая в 2003 г. и вступившая в силу в 2005 г., имеет большое практическое и историческое значение. Она стала наиболее значимым стратегическим решением Организации Объединенных Наций, направленным против глобальной коррупции и ознаменовавшем новую эру, выражающем волю глобального общества предпринимать согласованные действия в целях предотвращения и контроля коррупции.

Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции – первый правовой документ в истории ООН, призванный служить руководством к международной борьбе против коррупции. Сейчас 168 государств – подписантов являются участниками Конвенции. Мы должны обеспечить имплементацию Конвенции в каждом государстве. Внимание настоящего форума было сосредоточено на изучении Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции как таковой, анализе ее имплементации, опыта применения и теоретических инноваций, равно как и на тщательном исследовании влияния Конвенции и ее применения на внутреннее законодательство государств-подписантов.

Мы провели углубленное исследование различных глобальных антикоррупционных теорий, множества практических проблем, включая понятия коррупции, стратегии и тактики обнаружения коррупции; политики, направления и специфические меры предотвращения коррупционных практик, а также соответствующего законодательства. Нами было обнаружено несколько важных концепций:

(1) демократия является основой верховенства права. Без демократии не может быть реального верховенства права, в такой ситуации будет иметь место лицемерное верховенство права;

(2) верховенство права должно сочетаться с определенной добродетелью таким образом, чтобы сознательное человеческое добродушие могло быть восстановлено, а коррупция предотвращена на этапе ее зарождения;

(3) в борьбе с коррупцией большое внимание должно быть уделено соблюдению прав человека, антикоррупционные законы не должны нарушать основные принципы и нормы права в области прав человека;

(4) цель антикоррупции не столько в нанесении удара или наказании преступников, равно как не является целью и искоренение коррупции, целью антикоррупции является

предотвращение и установление контроля над коррупцией;

(5) концепция глобальной коррупции очень широка, поэтому она включает в себя моральную и криминальную коррупцию, личную и организационную коррупцию, международную и внутригосударственную коррупцию.

Таким образом, задачей данной сессии являлось установление эффективной научно обоснованной правовой системы предотвращения коррупции на международном и внутригосударственном уровнях. Осуществить это мы намереваемся путем концентрирования на Конвенции, упрочения международного сотрудничества, согласования международного и внутригосударственного права. Это длительный процесс, требующий долгосрочных настойчивых усилий народов всего мира.

Библиография:

1. Кузнецов А.П. Противодействие коррупции: теоретико-прикладное исследование // The fifth secession of the international forum on crime and criminal law in the global era. Beijing. – China, 2013.
2. Михайлов В.И. Противодействие коррупции в Российской Федерации: основные направления государственной политики и уголовной ответственности // The fifth secession of the international forum on crime and criminal law in the global era. Beijing. – China, 2013.
3. Федоров А.В. Антикоррупционные стандарты ОЭСР и их реализация в российском уголовном законодательстве // The fifth secession of the international forum on crime and criminal law in the global era. Beijing. – China, 2013.

Материал поступил в редакцию 21 января 2014 г.